

М.А. ХЕВЕШИ

**ИЗ ИСТОРИИ
КРИТИКИ
ФИЛОСОФСКИХ ДОГМ
И ИНТЕРНАЦИОНАЛА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

77-3

24872

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

М. А. ХЕВЕШИ

ИЗ ИСТОРИИ КРИТИКИ
ФИЛОСОФСКИХ ДОГМ
II ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1977

лавливали особый интерес к марксизму, к его критике капитализма. Представители буржуазной интеллигенции, обращаясь к Марксу, давали такое истолкование марксизма, при котором принималась одна часть его, а другая сознательно отвергалась. Вместе с тем именно в эти годы целый ряд представителей буржуазной интеллигенции искренне стремился усвоить марксизм, становясь на путь преодоления прежних взглядов. Однако и их интерпретация марксизма на первых порах нередко была эклектичной, переплеталась с целым рядом положений буржуазной философии.

Не менее важно и то, что та часть западноевропейской буржуазной интеллигенции, которая стремилась встать на путь революционной борьбы и усвоить марксистскую философию, знакомилась с марксизмом часто в извращенном варианте, который давался рядом теоретиков II Интернационала.

2. МАРКСИЗМ И II ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Буржуазной философии противостоит философия марксизма. В Западной Европе марксизм в эти годы был представлен теоретиками II Интернационала.

Характеристике значения и эволюции II Интернационала в истории марксизма уделено большое внимание. В. И. Ленин дал глубокий и всесторонний анализ его развития. Подчеркивая, что у II Интернационала есть «историческая заслуга, есть завоевание... от которого сознательный рабочий никогда не отречется»²⁹, он отмечал, что II Интернационал дал «много ценного, особенно в необходимом для пролетариата искусстве медленной, выдержанной, систематической, организационной работы в широком и широчайшем размере...»³⁰. В. И. Ленин показал, как благодаря деятельности II Интернационала социалистическое движение стало международным, массовым политическим движением, что II Интернационал проделал «чрезвычайно важную и полезную работу распространения социализма вширь и подготовительной, первоначальной, простейшей организации его сил»³¹.

²⁹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 39, с. 401.

³⁰ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 31, с. 171.

³¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 26, с. 103.

В своей статье «Марксизм и ревизионизм» В. И. Ленин дал периодизацию развития марксизма. В первый период (с 40-х по 90-е годы XIX в.) марксизм борется с теориями, которые были в корне враждебны ему, и побеждает их. К 90-м годам, пишет Ленин, эта победа была в основных своих чертах завершена. «И вторые полвека существования марксизма начались (90-е годы прошлого века) с борьбы враждебного марксизму течения внутри марксизма»³². Эта борьба привела к победе оппортунизма во многих социал-демократических партиях и закончилась крахом II Интернационала, его отказом от сущности марксизма. Учение Маркса превращалось, по словам Ленина, в «карикатуру» на марксизм.

Ошибки деятелей II Интернационала невозможно объяснить лишь тем, что они что-то недопонимали, что-то недооценивали, чему-то не придали должного значения. Причины эволюции руководителей II Интернационала лежат гораздо глубже. Они обусловлены социально-классовыми причинами, особенностями рабочего движения этого периода, проявившимися и в развитии марксистской теории.

Это было время широкого распространения идей марксизма и социализма в рабочем движении. «Хотя социализм растет, но он, мне кажется, с приобретением широты слишком теряет глубину. Кажется, будто его спинной хребет уже не совсем такой прочный, каким был раньше»³³, — писал Ж. Гед. Об этом же говорил Ленин, когда указывал, что широкое распространение марксизма сопровождается некоторым принижением его теоретического уровня³⁴. Вовлекая широкие массы в социалистическое движение, необходимо было довести до их сознания саму сущность классовой борьбы, раскрыть те экономические проблемы, которые стояли перед рабочим классом, с тем, чтобы он осознал свои классовые интересы и классовые отношения, правомочность и необходимость своего участия в классовой борьбе. Этим было обусловлено большое внимание к экономическим вопросам, когда доказывалось, что позиция класса непосредственно связана с его экономическим положением.

³² Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 17, с. 18.

³³ Internationaler Sozialistischer Kongress zu Paris. 1900. Berlin, 1900, S. 22.

³⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 6, с. 23.

В то же время это был период относительно «мирного» развития капитализма, а отмена «исключительного закона» в 1890 г. и успехи избирательной кампании 90-х и 900-х годов в Германии порождали веру в мирный, легальный путь развития, веру во всемогущество парламентских форм борьбы. При этом надо учитывать, что марксизм XIX в. развивался в постоянной борьбе с анархизмом. Еще в 1882 г. участники Международного конгресса анархистов заявляли: «Всякая мысль об авторитете нам противна, всякий закон — наш враг... Всякие законные пути, в том числе всеобщее избирательное право, нам ненавистны»³⁵. На Лондонском конгрессе Интернационала (1896 г.) был дан бой анархистам. Ж. Жорес, говоря о необходимости политических действий, доказывал анархистам: «Если мы хотим превратить капиталистическое общество в социалистическое, то мы для этого используем политическую власть, власть государства, и поэтому мы должны бороться за нее, завоевать ее для рабочего класса»; далее он говорил о парламенте как «орудии освобождения в руках рабочего класса»³⁶. Выступая против анархистского отрицания значимости политической борьбы, деятели II Интернационала всячески подчеркивали и важность легальных средств борьбы.

В силу этих и ряда других причин в начале XX в. теоретики II Интернационала значительный упор делали на обоснование экономической необходимости классовой борьбы (хотя именно в эти годы Энгельс уделял большое внимание критике вульгарно-материалистической трактовки марксизма), на доказательство необходимости использования парламентских и вообще легальных форм борьбы. При этом курс социал-демократии на легальность сопровождался значительным ростом партийного и профсоюзного аппарата, усилением мелкобуржуазного влияния в партии, вызванного ростом партии за счет этих слоев. С такими традициями и наследием социал-демократия вступила в новую историческую эпоху — эпоху империализма со всеми его новыми тенденция-

³⁵ *Гуго и Штегман*. Справочная книга социалиста, т. 1. Спб., 1906, с. 51.

³⁶ *Verhandlung und Beschlüsse des Internationalen Sozialistischen Arbeiter und Gewerkschafts-Kongresses zu London von 27. Juli bis 1 August, 1896*. Berlin, 1896, S. 6, 7.

ми и противоречиями, классически проанализированными В. И. Лениным. Лидеры II Интернационала тоже чувствовали наступление новой эпохи, но не могли постичь ее сущность, сделать из этого соответствующие выводы для социал-демократии. Дискуссия между Э. Бернштейном и К. Каутским была ярким свидетельством этого. Бернштейн видел наступление нового периода капитализма, но, пытаясь объяснить его, исходил из фактов, характерных не для империализма, а для эпохи классического капитализма, и давал им мелкобуржуазную оценку. И когда оказалось, что теоретики II Интернационала не в состоянии объяснить новые явления в развитии капитализма, то они, покидая пролетарские позиции, начали «критику» и «пересмотр» марксизма вообще.

Широкое распространение марксизма привело также к тому, что буржуазная наука уже не могла не реагировать на марксизм. Либеральная буржуазия все чаще ссылается на марксизм. В эти годы появляется в свет многочисленная литература о социализме. О социализме говорили с университетских кафедр и на публичных лекциях, появилось множество поборников введения социализма «сверху», раздавались голоса о необходимости установления «гармонии классов», «справедливого распределения капиталов». Буржуазная наука и сама приспособилась к марксизму, и пыталась марксизм приспособить к себе.

Многие видные теоретики социал-демократии были выходцами из буржуазно-либеральных партий. Это был вполне закономерный процесс, но в условиях слабости идейных позиций социал-демократических теоретиков он вел ко все большему усилению влияния идей буржуазно-либеральной науки в социал-демократии.

Критика марксизма была начала буржуазной наукой, и когда такая же критика стала раздаваться и в рядах социал-демократии, то буржуазные теоретики подхватили ее с энтузиазмом. Они подталкивали ревизионистов к дальнейшему пересмотру принципов научного социализма. По меткому замечанию Ленина, ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской «науки». Он не выдвинул ни одной новой, оригинальной идеи, не высказанной уже буржуазной наукой.

Эти особенности развития марксизма в рамках II Интернационала наложили свою печать и на трактовку философских проблем лидерами II Интернационала.

Порой в литературе можно встретиться с выражением «позитивизм II Интернационала». Это выражение не случайно. Как уже отмечалось, позитивизм был в те годы весьма влиятельным течением в буржуазной философии, и позитивисты отрицали философскую концепцию у Маркса. Мнение о том, что Маркс вообще не был философом, было наиболее распространенным в кругах социал-демократических теоретиков. Это утверждали и Каутский, и Бернштейн, постоянно подчеркивавшие, что и они сами не философы. Марксизм трактовался ими как политэкономия, как конкретное учение о классовой борьбе. Там же, где речь шла о философской концепции Маркса, она объяснялась упрощенно и односторонне³⁷.

Вопросы мировоззрения были провозглашены частным делом, не связанным с программой и тактикой социал-демократии. Сплошь и рядом можно было прочесть, что «дискуссия о проблемах мировоззрения не является делом партии»³⁸ или что «диалектический материализм представляет собой что угодно, но только не мировоззрение пролетарско-социалистических масс»³⁹.

К. Каутский утверждал, что нельзя теоретическим разногласиям придавать значение партийного вопроса. «Материалистическое понимание истории не связано с материалистической философией, — писал он позже. — Оно соединимо с любым мировоззрением, которое обслуживается методом диалектического материализма или по крайней мере не стоит с ним в непримиримом противоречии. Не имеет значения, называется ли это мировоззрение материалистическим или борется с механическим материализмом, предпочитает имя реализм или монизм, позитивизм или сенсуализм, эмпиризм или эмпириокритицизм»⁴⁰.

Согласно позитивистской трактовке сутью марксистской теории является эволюционизм. Проводя эту идею, Бернштейн доказывал, что в «Капитале» Маркс придерживается двух противоречивых тенденций — эволюцион-

ной и революционной. Излагая процесс развития производства от ремесленного к капиталистическому, Бернштейн считал, что Маркс здесь исходит из реальных фактов и дает картину постепенного развития, тогда как в главе «Исторические тенденции капиталистического накопления» речь идет, дескать, об «одностороннем» изложении согласно «заранее сконструированной диалектической формуле»⁴¹. Представить Маркса как сторонника постепенного развития, как эволюциониста было основной заботой ревизионистов. «Во избежание всяких недоразумений считаю нужным заметить, что сенсеровские формулы: дифференциация и интеграция, специализация и новые соединения — нисколько не находятся в принципиальном противоречии с учением Гегеля о развитии; они лишь выражают мысль Гегеля в новой форме, которая менее ведет к недоразумениям и ошибочным выводам, чем законы Гегеля»⁴². Эклектизм провозглашается Бернштейном условием творческого развития теории, ибо «для жизни тесна всякая теория, и строгой доктрине приходится в конце концов сообразовываться постоянно с эклектикой, этой фривольной личностью, которая дерзко рвет плоды в саду жизни, приходится постоянно делать у ней под шумок займы»⁴³.

По существу позитивистским является и взгляд К. Каутского, рассматривавшего марксизм не как философское учение, а как эмпирическую науку, как особое понимание общества⁴⁴. М. Адлер также считает исторический материализм «просто полемическим и программным подчеркиванием эмпирической точки зрения»⁴⁵.

Ряд буржуазных и ревизионистских авторов превратили Маркса в сторонника фаталистического развития истории. С этой целью давалась совершенно искаженная трактовка «Предисловия» Маркса «К критике политической экономии». Один из социал-демократических авторов Л. Волтман писал, будто у Маркса «сознание и воля участвующих в классовой борьбе людей являются сознанием и волей марионеток, которые приводятся в движение экономическим, естественным законом, действующим позади

³⁷ См.: Чагин Б. А. Из истории борьбы против философского ревизионизма в германской социал-демократии. М.—Л., 1961.

³⁸ Kampffmeyer P. Marxismus und Materialismus.— «Sozialistische Monatshefte», 1913, S. 1556.

³⁹ Ibid., 1911, S. 611.

⁴⁰ Kautsky K. Die materialistische Geschichtsauffassung, Bd 1. Berlin, 1927, S. 28.

⁴¹ «Neue Zeit», 1899, XVII, Bd II, S. 332.

⁴² Ibid., S. 335.

⁴³ Бернштейн Э. Социальные проблемы. СПб., 1901, с. 17.

⁴⁴ «Der Kampf», 1908—1909, Bd II, S. 452.

⁴⁵ «Der Kampf», 1909—1910, Bd III, S. 567.

сцены капиталистического мирового театра. Что, следовательно, здесь нужно констатировать, что это определенный социальный фатализм, который имеет место в учении Маркса»⁴⁶.

Эволюционизм провозглашал постепенное вращание капитализма в социализм, отказ от «теории крушения капитализма». Как известно, К. Каутский проповедовал механистическую теорию уровня развития производительных сил. Она была неразрывно связана с его трактовкой природы общественных закономерностей. Сторонник теории равновесия, он доказывал равнозначность общественных отношений отношениям человека к природе. У Маркса, обосновывая свою позицию Каутский, «общественное развитие было вдвинуто в рамки естественного развития»⁴⁷. Через все произведения Каутского проходит идея тесной зависимости общественных закономерностей от биологических. Дарвинизм, по его словам, должен служить основой социологии. Поэтому и борьба классов сплошь и рядом у него трактуется как борьба за существование. «Классовая борьба делается преобладающей, всеобщей длительной формой борьбы за существование особи в человеческом обществе»⁴⁸. Общество как «социальный организм» должно приспособиться и находиться в равновесии с естественной средой. Это равновесие поддерживается развитием науки и техники. Именно к этим двум факторам сводит Каутский марксистское понимание производительных сил. Люди, классы, их степень развития и взаимоотношения никак не принимаются им во внимание. Развитие общества автоматически предопределяется степенью развития техники и науки. И только тогда, когда производительные силы и промышленность разовьются до такой степени, что пролетариат станет большинством в обществе, можно будет ставить вопрос о завоевании власти пролетариатом.

В одном из своих писем к Каутскому Ф. Энгельс писал по поводу статей Каутского о Французской революции: «Я гораздо меньше говорил бы о новом способе произ-

⁴⁶ *Woltmann L.* Die wirtschaftlichen und politischen Grundlagen des Klassenkampfes.— «Sozialistische Monatshefte», 1901, S. 363.

⁴⁷ *Каутский К.* Карл Маркс и его историческое значение. Пг., 1918, с. 8.

⁴⁸ *Каутский К.* Этика и материалистическое понимание истории. Пг., 1918, с. 102.

водства. Его всегда отделяет огромное расстояние от фактов, о которых ты говоришь, и, представленный таким образом, без опосредования фактами, он выступает как чистая абстракция, которая не разъясняет дело, а скорее затемняет его»^{48а}.

Другой видный деятель социал-демократии — Г. Кунов также трактовал историю как процесс постепенных социальных изменений. Производственные отношения в его интерпретации не оказывают влияния на производительные силы, а лишь отражают степень их развития. Один из лидеров австромарксизма В. Адлер заявил: «Капитализм погибнет сам по себе, не нуждаясь, если можно так выразиться, при этом в помощи»⁴⁹. Эти взгляды обосновывали теорию стихийности в рабочем движении, концепцию приспособления, а не изменения существующего строя, доказывали, что имманентные, внутренние законы капитализма с естественной необходимостью, с автоматической неизбежностью приведут к краху капитализма. Тем самым борьба за социализм практически сводилась к нет. Идея развития трактовалась теоретиками II Интернационала в духе эволюционизма. В. И. Ленин писал в 1913 г.: «В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем хотя бы идея эволюции»⁵⁰.

Позитивистская трактовка марксизма с его экономическим материализмом закономерно порождала в этот период тенденцию выявления роли внеэкономических факторов в жизни общества, отдельных людей, и прежде всего этических моментов в деятельности людей. Поэтому лозунг «назад к Канту», провозглашенный буржуазной философией, был сразу подхвачен рядом социал-демократических теоретиков. «Вперед мимо могилы Маркса, помянем с благодарностью его заслугу пробуждения немецкого рабочего. Вперед с живым Кантом, в котором Жорес справедливо видит отца немецкого социализма»⁵¹.

^{48а} *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения, т. 37, с. 127.

⁴⁹ Цит. по: История философии, т. V, М., 1961, с. 560.

⁵⁰ *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений, т. 26, с. 55.

⁵¹ *Шульце-Геверниц Г.* Маркс или Кант? СПб., 1909, с. 67.

Стремясь сделать шаг вперед в развитии марксизма, Бернштейн сделал шаг назад от Гегеля к Канту.

Первым в социал-демократической литературе провозгласил лозунг «назад к Канту» К. Шмидт в 1896 г. Диалектический материализм, по его мнению, представляет собой соединение старого материализма со спекулятивными рассуждениями Гегеля. Шмидт считал, что Маркс и Энгельс, увлекшись в юности Гегелем, стали рассматривать его философию как высший этап в развитии научного мышления. Но теперь, когда идея развития уже проникла во все науки, нужно отделаться от метафизики Гегеля и вернуться к научной философии, самым крупным представителем которой-де является Кант. Лозунг «назад к Канту» поддержал Бернштейн.

Но главным философом этого направления в социал-демократии наряду с П. Наторпом был К. Форлендер. Его лозунг: «вместе с Марксом к Канту». Он, как и Г. Коген, «выступает против предрассудка натуралистического обоснования социализма»⁵². Излагая книгу Фр. Штаудингера «Этика и политика», Форлендер показывает, почему современные ему неокантианцы стремятся к объединению марксизма с кантианством. Это необходимо, дескать, потому, что «марксизм научно исследует социальную жизнь с точки зрения причинности, он продуктивен и может исправлять вкравшиеся ошибки на основании своего общего научного метода. Но как только он задается целью сознательно и планомерно преобразовать данное общество, он не может найти для этого масштаба в причинном процессе. Как только марксизм сознает это, он приходит, последовательно развивая свои собственные принципы, к Канту, исследования которого привели к пониманию закона строя целей. И, обратно, законы целевого строя остаются пустой схемой, до тех пор пока естественные законы действительной жизни не служат им основанием. Как только кантианец ясно осознает это, он приходит, последовательно развивая свои собственные мысли, к Марксу, исследования которого привели к пониманию хозяйственного развития»⁵³.

Он упрекает Бернштейна в недостаточном понимании метода Канта. Бернштейну Кант нужен для критики, для

⁵² Форлендер К. Кант и социализм. М., 1906, с. 21.

⁵³ Там же, с. 38.

указания на то, что «кажущийся» материализм является высшей, сбивающей с толку идеологией и что пренебрежение к идеалу и возведение материальных факторов во всемогущие двигатели развития есть самообман, опровергаемый на каждом шагу деятельностью самих проповедников его. Форлендер считает несомненным успехом, что Бернштейн выдвигает на первый план проблемы сознания и этики. «Но у Бернштейна еще недостает методических оснований этого идеализма. Он еще не усвоил отношение между познанием природы и постановкой целей, между законом опыта и идеей в смысле критической философии»⁵⁴. И когда один из социал-демократов — С. Гунтер в статье «Бернштейн и наука» доказывал, что основное — это цельность и единство метода, это единство в мышлении, устраняющее мучающие человека противоречия в мыслях, то Форлендер признает: «С таким «марксистом» неокантианцы могут мириться. Он добивается той же цели, только он роет гору с другой стороны»⁵⁵.

Социал-демократ Л. Волтман стремится доказать, что «Кант более соответствует современности, чем Гегель, и стоит ближе к естественнонаучной и социалистической эпохе, особенно, если принять во внимание большое значение кантовской этики для теории социалистического общества»⁵⁶.

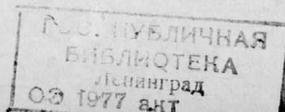
У М. Адлера исторический материализм Маркса означал «высвобождение от спиритуализма гегелевской философии и нейтральность к вопросу о сущности духа и его отношения к материи. Возвращение из спиритуалистической сублимации к эмпирическим формам явления социального бытия, — в этом весь материализм материалистического понимания истории»⁵⁷. Поскольку, по Адлеру, социализм есть идея «антииндивидуализма», «солидарности людей», то и вся классическая немецкая философия представлена как «философия социализма». С Канта начался процесс «обобществленного сознания», у Гегеля он воплощается в нравственной идее государства; у Фейербаха — в антропологической концепции сущности челове-

⁵⁴ Там же, с. 62.

⁵⁵ Там же, с. 65.

⁵⁶ Волтман Л. Система морального сознания. Спб., 1898, с. 427.

⁵⁷ Adler M. Marx als Denker. Wien, 1921, S. 55.

ка, а у Маркса — в «подчеркивании духовности всех социологических понятий»⁵⁸.

К. Каутский, выступая против Э. Бернштейна и ревизии марксизма, не увидел принципиальной разницы между марксистским материализмом и кантовской «вещью в себе», он писал: «Никто не будет отрицать, что все наше познание относительно, что оно представляет отношение человека, «я», к остальному миру, что оно показывает только это отношение, но не самый мир»⁵⁹. А впоследствии Каутский пойдет дальше и начнет проповедовать учение о примате воли над разумом, о первенстве долженствования.

Что же привлекало у Канта теоретиков II Интернационала, все более становившихся на оппортунистические, мелкобуржуазные позиции? Кант привлекал к себе лидеров социал-демократов прежде всего своей этикой. Как известно, именно в недрах II Интернационала родился так называемый этический социализм, заменивший научный анализ капитализма моральным осуждением и трактовавший социализм как нравственный идеал. Это соответствовавшее сути мелкой буржуазии упование на абстрактную справедливость, сочетание осуждения пороков капитализма с нежеланием вести последовательную революционную борьбу против его устоев и проявлялось у ряда вождей II Интернационала в попытках соединить социально-экономическое учение Маркса с этикой Канта. Так, учение Канта о «практическом разуме» с его принципиальным противопоставлением естественной необходимости автономности человеческой воли объединялось с марксизмом, понимаемым как генетически-каузальная необходимость. Вместо социальной каузальности — расплывчатые этические мотивы. Уже в это время Форлендер дает определение социализму как этическому мировоззрению и утверждает, что хотя Канта нельзя считать социалистом, но целый ряд его мыслей по философии государства и истории может служить исходным пунктом для социализма.

Бернштейн в чисто неокантианском духе трактует социализм не как историческую закономерность, а как

стремление людей к нравственному идеалу. Вслед за неокантианцами он разделяет естественные и общественные науки в принципе, поскольку, мол, общественные науки зиждутся на субъективной основе. Поэтому они не науки, подобно естествознанию. «Доктрина, в которой начинает играть роль наша воля, перестает быть чистой наукой»⁶⁰.

Неокантианские авторы давали определение социализму как этики. Вне социализма, по их утверждениям, не может быть этики, как и вне этики социализма. Адлер, по оценке Кампфмайера, широко раскрывает ворота великого царства этики, и вопрос заключается в том, «освобождает ли Адлер — воодушевленный апостол учения о примате практического разума — этику из ее положения судомойки, занимаемого ею до сих пор в марксистской литературе, и сделает ли он ее господствующей царской дочерью»⁶¹.

Поскольку, согласно неокантианцам, человек подчинен категории долженствования, то история предстает как движение человечества к социальному идеалу. Это стремление к социальному идеалу и составляет сущность исторического развития. Всевозможные общественные движения, классовая борьба в том числе, — это лишь соответствующие проявления движения к идеалу. И поскольку цель движения — идеал, постольку цель недостижима. Именно этот кантовский тезис делает понятным смысл лозунга Бернштейна: «Движение — все, конечная цель — ничто». Повседневная борьба имеет смысл, социализм как недостижимый идеал не интересует Бернштейна.

Истолкование социализма как нравственного идеала сопровождается также отказом от марксистской диалектики. Бернштейн призывал марксистов отказаться от «тенет» гегелевской диалектики, таящей в себе, дескать, большие опасности. Поставить диалектику на ноги не так просто, ибо как «только мы покинем почву доступных опытному констатированию фактов и переходим мыслью за их пределы, мы сразу оказываемся в мире произвольных понятий и, если тогда будем следовать законам диалектики, как их выставил Гегель, то прежде чем успеем

⁵⁸ Adler M. Kant und Marxismus. Berlin, 1925, S. 170.

⁵⁹ Каутский К. Карл Маркс и его историческое значение, с. 12.

⁶⁰ «Sozialistische Monatshefte», 1901, S. 603.

⁶¹ Форлендер К. Современный социализм и философская этика. М., 1907, с. 42.

осмотреться, опять попадем в тенеты «саморазвития понятий». Здесь кроется большая научная опасность гегелевской логики противоречия»⁶². Бернштейн считал, что только предательской ролью гегелевской диалектики можно объяснить мысль Маркса о буржуазной революции в Германии как прологе пролетарской революции. «Этот исторический самообман, в котором любой политический фантазер вряд ли мог бы превзойти Маркса, тогда уже серьезно занимавшегося политэкономией, был бы совершенно непонятен, если бы нельзя было в нем видеть остатков гегелевской диалектики противоречий, от которой Марксу, равно как и Энгельсу, не удалось всецело отрешиться на протяжении всей своей жизни, но которая тогда, в период всеобщего брожения, оказалась для него особенно роковой»⁶³.

Отказ от марксистской диалектики, третирование Гегеля, замена «хитрой», революционной диалектики «простой» и спокойной эволюцией, отказ от момента отрицания как «безжизненной спекуляции» — все это выражало отход от позиций пролетариата и предопределило в теоретическом плане «морализирование» теоретиков II Интернационала.

* * *

Таким образом, марксизм в интерпретации ряда теоретиков II Интернационала оказался пригодным лишь для решения повседневных практических вопросов, для анализа экономических и общественно-политических проблем повседневной борьбы. В такой трактовке марксизм оказывался теорией, которая претендовала на описание и объяснение, но не на изменение мира, она была призвана обосновать реформистскую политику, отказ от кардинального революционного преобразования общества. Оппортунисты вытеснили из марксизма момент активности, творческой практики. Утверждение того, что имманентные, внутренние законы капитализма с неизбежностью приведут к краху капитализма, не оставляло места для альтернативных решений, для осознанной творческой дея-

⁶² Бернштейн Э. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. СПб., 1906, с. 28.

⁶³ Там же, с. 29.

тельности. «История не допускает альтернатив. Ее девиз: «как то, так и другое»», — писал Бернштейн⁶⁴.

Такая антидиалектическая, узкопрактическая тенденция, проявившаяся у лидеров II Интернационала, обуславливала их подход к решению проблемы стихийности и сознательности, к организационным вопросам. Поскольку общество спонтанно движется к социализму и развитие производительных сил автоматически приводит к краху капитализма, постольку проблема привнесения сознательности в рабочее движение, согласно такой трактовке, или не стоит вообще, или означает приспособление к стихийному движению. Привнесение сознательности рассматривается как нечто искусственное, насильственное. Из статьи «Пролетарское сознание и революция» читатель узнавал, что «Пролетарское сознание следует за экономическим развитием. Оно неизбежно победит, потому что неизбежно побеждает экономическое развитие... Пролетарское, классовое сознание развивается неудержимо именно потому, что экономический переворот проложит себе путь через все препятствия. Подобным образом распускаются в свое время деревья, даже в суровую весну, потому что сок снизу двигается вверх, в листья, во все сучья и ветви»⁶⁵. Здесь трактовка Маркса автором статьи свелась к постепенному «уценению» значения классового сознания в рабочем движении.

Идея захвата власти, организации пролетариата для свержения правительства расценивалась в социал-демократии как бланкизм или путчизм. Вместо этого предлагалось ожидание «полного» вызревания производительных сил. Как только производительные силы достигнут «зрелости», сознание рабочего класса тоже станет социалистическим. Формирование классового сознания предполагалось как стихийный, автоматический процесс. Тактика «выжидания событий» не требовала особой революционной сознательности от пролетариата, осознания им своей особой исторической роли. Многие деятели II Интернационала, в том числе и К. Каутский, просто боялись массовых выступлений пролетариата, их пугали «стихия и слепой инстинкт масс» и в то же время не за-

⁶⁴ Bernstein E. Die Dialektik und Entwicklung.— «Neue Zeit», 1899, XVII, Bd II, S. 268.

⁶⁵ «Neue Zeit», 1905—1906, XXIV, Bd I, S. 214.

ботило то, как превратить стихийные действия по завоеванию власти в классово осознанные. «Зачем собственно устраиваются массовые стачки. Ведь находится же Германия на пути социализма. Спокойный рост профессиональных союзов в Германии со временем даст им в руки такую силу, которая гораздо больше будет влиять на противника, чем угрозы возможностью массовой забастовки»⁶⁶, — писал один из германских реформистов.

Движение, безотносительное к конечной цели, не нуждалось в серьезном внимании к организационным вопросам. Проблемы организации революционных действий, формы борьбы за диктатуру пролетариата, даже подготовка политической стачки, тем более всеобщей, не стояли в центре внимания лидеров II Интернационала. Господство стихийности, преклонение перед стихийным движением с неизбежностью приводило к выдвиганию на первый план не вопросов стратегии, а только тактики. Там, где нет конечной цели, не требовалось разработки стратегии. Теория Бернштейна была приспособлена к тактике. Не теория определяла стратегию и тактику, а реформистская тактика подчиняла себе теорию.

Так, теория социал-демократии оказывалась средством обоснования существующего положения, поиска новых возможностей в рамках существующего. Революционная практика сводилась к практицизму, к увлечению самыми узкими формами практической деятельности. В соответствии с этим и организационные вопросы оказывались сведенными до уровня интересов текущей борьбы. Оборонительная тактика легко уживалась с автономизмом в организационных вопросах, с приспособлением сознательного руководства к стихийному ходу событий.

Восприятие революционного движения как стихийного, идея о том, что классовое сознание и позиция непосредственно обусловлены экономическим положением, трактовка движущих сил революции как моральных стимулов не требовали изучения опосредующих моментов, не ставили вопроса о союзниках пролетариата. Интересы сегодняшнего дня заслоняли не только цель движения, но и связь рабочего движения с общим ходом развития истории. Проблемы рабочего движения рассматривались изолированно, не как часть всемирно-исторического раз-

⁶⁶ Задачи социалистической культуры. СПб., 1907, с. 596.

вития; они оказались ограниченными внутренними узкоорганизационными проблемами самого движения. Все это привело, по словам Ленина, к разращению социалистического сознания масс.

Угроза рабочему движению со стороны оппортунистов стала в довоенные годы столь велика, что В. И. Ленин вынужден был констатировать: рабочему движению грозит «опасность внутреннего разложения»⁶⁷.

Столь резкая оценка деятельности II Интернационала не предполагает, однако, преуменьшения действительной исторической роли II Интернационала, заслуг многих его видных руководителей. Известно, что В. И. Ленин в своей характеристике вождей II Интернационала исходил из конкретной ситуации и конкретных действий. Он высоко ценил К. Каутского за его пропаганду марксизма, за его исторические работы. «Мы знаем из многих работ Каутского, что он *умел* быть марксистским историком, что *такие* работы его останутся прочным достоянием пролетариата, несмотря на позднейшее ренегатство»⁶⁸. В. И. Ленин дал высокую оценку работе Р. Гильфердинга «Финансовый капитал», оценив ее как ценный теоретический анализ «новейшей фазы в развитии капитализма», работе, фактически не понятой в социал-демократии.

Критическая оценка II Интернационала тем более не исключает признания заслуг таких его вождей, как А. Бебель, Ф. Меринг, Г. В. Плеханов, К. Либкнехт, Р. Люксембург и др. Речь идет об идейно-теоретической атмосфере II Интернационала, которая не могла не сказаться и на мировоззрении «левых». Формирование их взглядов шло в русле идей II Интернационала и освобождение от социал-демократизма проходило постепенно и сложно. Только раскрывая сущность этой идейно-теоретической атмосферы, можно по-настоящему оценить борьбу левых сил против реформизма и центризма, понять, как много нужно было сделать, чтобы перейти с позиций социал-демократизма к ленинизму.

Общеизвестны заслуги Ф. Меринга в отстаивании марксизма, его борьба с ренегатством и оппортунизмом, его выступления против вульгаризации исторического материализма, в защиту материалистического понимания ис-

⁶⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 22, с. 78.

⁶⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 37, с. 278.

тории. Меринг первый выступил с разоблачениями реакционной сущности философии Ницше, Шопенгауэра, неокантианства, увидел связь неогегельянства с реакционными устремлениями немецкой буржуазии, то, что свое попятное движение буржуазия стремится обосновать при помощи гегелевской философии.

Ф. Меринг много сделал для публикации Маркса, в том числе и его ранних работ. Но Меринга не интересовало философское содержание этих трудов. Философия марксизма оценивалась им как домарксистский материализм, на уровне философии Фейербаха. «Маркс и Энгельс всегда разделяли философские взгляды Фейербаха, поскольку они не распространяли и не углубляли их, перенося материализм в область истории; короче и проще говоря, в области естественных наук они были такими же механистическими материалистами, как в области общественных наук историческими материалистами»⁶⁹.

Согласно трактовке видного деятеля голландской социал-демократии, придерживавшегося левых позиций, А. Паннекука, философия в марксизме была развита И. Диценом. Этой же точки зрения придерживался и другой теоретик левых — Г. Гортер. Защищая материализм, они скатывались на позиции механистического материализма. Согласно этим взглядам марксов метод материалистического объяснения общества должен был быть дополнен методом познания Дицгена. Меринг писал, что «удары, направленные против механистической точки зрения, не попадают в цель. Механистический материализм... представляет собой принцип научного исследования»⁷⁰.

В своей защите материалистического понимания истории Ф. Меринг делал основной упор на экономическую обусловленность исторического прогресса. В работе «Исторический материализм» он утверждал, что изменения в общественном сознании, в политике обуславливаются только экономическим развитием. И хотя Меринг выступал против фаталистического объяснения истории, он не придавал должного значения сознанию, активной роли классовой борьбы и классового сознания.

Более вульгарно отражена эта позиция во взглядах Паннекука. У него, как и у Гортера, техника выступает

⁶⁹ «Neue Zeit», 1910, XXVIII, Bd II, S. 545.

⁷⁰ «Neue Zeit», 1899—1900, XVIII, Bd I, S. 2.

в роли фактически единственного двигателя общественного развития. Классовая политика оказывается пассивным результатом фатального развития техники. «Власть общественных производительных сил неодолима. Мы прямо видим, как миллионы пролетариев следуют зову современной техники сначала медленно, потом все быстрее и массы переходят к социал-демократии»⁷¹. Коренной поворот, совершенный Марксом в философии, остался левыми социал-демократами непонятым. Человеческая деятельность оказывалась отделенной от истории, субъект — от объекта.

Все эти моменты в той или иной степени встречаются и у Г. В. Плеханова. Плеханов первым подверг критике Бернштейна и его ревизию марксизма. Он резко выступал против лозунга «назад к Канту», показал несоместимость марксова материализма с кантианством. Плеханов защищал многие положения диалектики и с этих позиций критиковал современных ему неокантианцев. Но тем не менее он порой не отделял метафизический материализм от диалектического. Ленин указывал, что «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь *a limine отвергает* их рассуждения, а не *исправляет* (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая *связь и переходы* всех и всяких понятий»⁷². Деятельная сторона человеческого мышления, влияние общественной практики на взаимодействие субъекта и объекта оказывались вне поля его зрения. По Плеханову, «учение об единстве субъекта и объекта, мышления и бытия, в одинаковой мере собственное как Фейербаху, так и Марксу — Энгельсу, было также учением наиболее выдающихся материалистов XVII и XVIII столетий»⁷³. Как утверждал Меринг, он сам, как и Плеханов, доказывал, что Маркс и Энгельс всегда стояли на позициях Фейербаха, что в области естественных наук Маркс и Энгельс были механистическими материалистами. «Плеханов еще более убедительно доказал

⁷¹ Гортер Г. Исторический материализм. М., 1919, с. 75.

⁷² Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 29, с. 161.

⁷³ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, с. 137.

это и так основательно, что не стоит по этому поводу больше говорить»⁷⁴.

Важная роль в борьбе с ревизионизмом и защите марксизма принадлежит Р. Люксембург — выдающейся деятельнице международного коммунистического движения. Крупный теоретик, в особенности в области политической экономии, Люксембург в своих многочисленных статьях и выступлениях доказывала неизбежность гибели капитализма и наступления социалистической революции. Она показывала, что благодаря истолкованию экономических отношений как исходного момента для осуществления социализма, социализм из «идеала», каким он являлся для человечества в течение тысячелетий, превратился в историческую необходимость. Бернштейн же своей постановкой проблемы вновь возвращает социализм к утопии. «Это благополучно приводит нас обратно от Маркса и Энгельса к автору «Евангелия бедного грешника» с той лишь разницей, что Вейтлинг правильным пролетарским чутьем распознал в примитивной форме в этом противоречии между богатством и бедностью классовые противоречия, хотел сделать его рычагом социалистического движения. Бернштейн же, напротив, видит надежду на социализм в превращении бедных в богатых, т. е. в заглушивании классовых противоречий, следовательно в мелкобуржуазных приемах»⁷⁵.

Для Р. Люксембург марксистская теория являлась научным обоснованием действий пролетариата в подготовке и проведении революции, она понимала, что подлинный смысл «критики» марксизма Бернштейном тот же, что и у буржуазных ученых. «Вся официальная общественная наука Германии за последнюю четверть века представляется как великое «преодоление Маркса», Маркс служит тайной пружиной всего ее существования»⁷⁶. Р. Люксембург доказывала, что теория Бернштейна фактически направлена на «приостановку» капиталистического развития, поэтому она утопична по отношению к конечной цели — социализму и реакционна по отношению даже к капиталистическому развитию. Люксембург так

⁷⁴ «Neue Zeit», 1910, XXVIII, Bd II, S. 545.

⁷⁵ Люксембург Р. Социальная реформа или революция. М., 1959, с. 54—55.

⁷⁶ «Leipziger Volkszeitung», 1899, 22 Juli.

излагала свое понимание соотношения реформ и революции в историческом развитии: «Законодательная реформа и революция не есть различные методы исторического прогресса, которые можно по желанию выбрать в буфете истории наподобие горячих или холодных сосисок, это — различные моменты в развитии классового общества, которые в такой же мере обуславливают и дополняют или же исключают друг друга, как, например Южный и Северный полюс или как буржуазия и пролетариат»⁷⁷.

Но, несмотря на правильность этих общих положений, при конкретном анализе Р. Люксембург основное внимание уделяла лишь объективным моментам развития. Именно поэтому она в духе идейных установок II Интернационала отдавала предпочтение стихийности, недооценивая значение сознательности и организованности. Революция рассматривалась ею как стихийный взрыв масс. Рабочее движение может вдруг в силу определенного стечения обстоятельств развиться стихийным взрывом. Поэтому партия, мол, не может руководить началом революции, а должна стремиться после такого взрыва овладеть инициативой и направлять в определенной мере ход событий. Империализм в ее трактовке — это эпоха конечных кризисов капитализма. Производительные силы придут в такое резкое противоречие с производственными отношениями, что это стихийно приведет к гибели капитализма.

Роль партии, классового сознания пролетариата тоже фактически недооценивалась ею. Историческая необходимость объяснялась ею как механическая, автоматическая сила. Партии в ее трактовке отводилась роль не руководящей, а приспособляющейся к стихийному рабочему движению силы. «Инициатива и сознательное руководство социал-демократических организаций играют крайне малую роль»⁷⁸. Именно поэтому массовая стачка рассматривалась ею как высшая ступень в развитии рабочего движения. «Овладеть и руководить не началом революционного взрыва, а его концом, его результатами — такова единственная разумная цель, которую может ставить себе политическая партия, если не хочет впасть ни в фанта-

⁷⁷ Люксембург Р. Социальная реформа или революция, с. 70.

⁷⁸ «Neue Zeit», 1903—1904, XXII, Bd II, S. 490.

стические иллюзии, переоценивая свои силы, ни в бес- сильный пессимизм»⁷⁹. Переоценка роли стихийности была причиной того, что лидеры II Интернационала не понимали и не рассматривали проблему союзников пролетариата.

Согласно Р. Люксембург «некапиталистическая среда» автоматически исчезает с развитием производительных сил и пролетариат в будущем составит большинство населения. Из этого следовало, что не надо завоевывать на свою сторону непролетарские массы. Даже в 1917 г. Люксембург еще писала о том, что партия должна дать классам лишь политическую программу и лозунги, которые из нее вытекают. «Заботу же о том, связывается ли и когда массовый революционный подъем с этими лозунгами, социализм должен спокойно предоставить самой истории»⁸⁰.

В сентябре 1918 г. Р. Люксембург, находясь в тюрьме, не обладая достаточной информацией, написала брошюру «Русская революция», посвященную анализу Октябрьской революции. В работе выявились многие социал-демократические заблуждения Р. Люксембург. Она критиковала большевиков по целому ряду вопросов — по проблемам стратегии и тактики, соотношения диктатуры пролетариата и демократии, международного значения Октябрьской революции⁸¹.

Но, несмотря на ее критические замечания, главным остается то, что Р. Люксембург приветствовала Октябрь. Она говорит об исторической необходимости Октябрьской революции в противоположность социал-демократам, твердившим о «незрелости» России для пролетарской революции, в противовес разговорам о «бланкизме» большевиков. Она выступает против Каутского и его русских единомышленников, которым хотелось бы сохранить за русской революцией буржуазный характер первой ее фазы⁸², и доказывает, что революция в России не была результатом поражения в войне, а имела глубокие корни в стране и внутренне назрела.

⁷⁹ «Vorwärts», 1905, Februar, 9—10.

⁸⁰ Spartacus Briefe. Berlin, 1920, S. 119.

⁸¹ См.: Бутенко А. П. Вокруг работы Розы Люксембург «Русская революция» — «История СССР», 1958, № 2.

⁸² Luxemburg R. Die Russische Revolution. Verlag Gesellschaft und Erziehung. 1922, S. 79.

Много внимания уделяет Р. Люксембург проблеме диктатуры и демократии. Она понимала, что подавление саботажа буржуазии совершенно необходимая мера, что «социалистическая диктатура... не должна бояться применить силу, чтобы в общих интересах принуждать к определенным мерам или препятствовать им»⁸³. Но она не могла расстаться еще с парламентскими иллюзиями, а потому лишение буржуазии избирательных прав оценила как «нежизнеспособную импровизацию». Но, несмотря на все это, Р. Люксембург не просто принимает Октябрьскую революцию, но и разъясняет ее великую историческую роль как переломного момента в истории рабочего движения. «Большевики были полны революционной мысли и энергии, которой так не хватало социал-демократии на Западе. Их Октябрьский переворот спас не только русскую революцию, но и честь международного социализма»⁸⁴.

Выйдя из тюрьмы, Р. Люксембург активно включает в политическую жизнь страны, вскоре становится редактором «Rote Fahne», центрального органа «Союза Спартака». Она сразу же отказалась от формулы совмещения Советов с парламентом. В передовой статье газеты от 18 ноября 1918 г. был выдвинут лозунг «Всю власть в руки Советов рабочих и солдатских депутатов». Она требует передачи власти Советам в Германии. «Если серьезно относиться к социалистической диктатуре пролетариата, то нечего втискивать ее в качестве временной меры между углом и дверью истории революции, ставя едва начатое ею дело в зависимость от окончательного приговора, выносимого буржуазно-демократическим собранием»⁸⁵. Изменяются ее взгляды и по другим вопросам, в частности по проблемам демократии. Убедившись очень скоро в ошибочности многих своих критических замечаний, Р. Люксембург отказалась от мысли издать работу о русской революции.

Но вскоре после убийства Р. Люксембург эта книга послужила поводом для выступлений против Ленина и большевиков. В 1920 г. исключенный за свои крайне ле-

⁸³ Ibid., S. 107.

⁸⁴ Ibid., S. 81.

⁸⁵ Цит. по статье: Недельман Б. Роза Люксембург и германская революция 1918 г.— «Под знаменем марксизма», 1931, № 4—5, с. 228.

вые позиции из коммунистической партии Германии, П. Леви издал эту брошюру со своим обширным «Введением». Имя Розы Люксембург, противоречивые тенденции ее работы были использованы для нападок на молодое Советское государство и проводимую им политику нэпа. Извращая сущность взглядов Люксембург, игнорируя их эволюцию, П. Леви пытался найти в ее лице союзника в критике большевизма. В феврале 1922 г. К. Каутский публикует рецензию на эту книгу под названием «Роза Люксембург и большевизм». В этой рецензии он прямо говорит: «То, что сегодня остается самой значительной частью брошюры Люксембург, — так это не попытка придать большевизму рациональный вид и уж, конечно, не возвеличивание его «бессмертных» исторических заслуг»⁸⁶. Его усилия направлены на то, чтобы представить книгу Люксембург как «грозный обвинительный акт» против большевиков. Основная цель Каутского — доказать невозможность создания социалистической системы производства в России, «неизбежность краха большевистского эксперимента». Он недоволен «идеализацией русского пролетариата, которой проникнута вся ее книга», и выступает уже с общей критикой ленинизма и Октябрьской революции.

По поводу книги «Русская революция» появилась целая серия работ, из которых одна часть стремилась использовать авторитет пламенной революционерки в своих нападках на Советскую Россию, другая же отстаивала наследие Люксембург от искажений и фальсификаций. В 1922 г. вышла книга К. Цеткин «Роза Люксембург и русская революция», в которой излагалась эволюция ее взглядов, показывался ее путь к ленинизму. Цеткин пишет: «То, что они сделали... из труда Розы, так же похоже на него, как огородное пугало на прекрасное человеческое тело»⁸⁷.

В. И. Ленин в «Заметках публициста» дал точную и образную характеристику Люксембург. Он пишет о том, что П. Леви понадобилось издание работы Р. Люксембург как подспорье для крайне левого крыла мелкобуржуазной

⁸⁶ Kautsky K. Rosa Luxemburg und der Bolschewismus. — «Socialdemokratische Monatsschrift», 1922, N 2, S. 44.

⁸⁷ Цеткин К. Роза Люксембург и русская революция. М.—Л., 1924, с. 37.

демократии, проливающего «крокодиловы слезы» по поводу нэпа, этого «спуска вниз». Ленин пишет о том, что нельзя заменять «трезвый учет обстановки одним «настроением» или маханьем красными флажками», ссылки на авторитет Розы Люксембург не могут изменить этой истины. «Павел Леви желает теперь особо выслужиться перед буржуазией — и, следовательно, перед II и II 1/2 Интернационалами, ее агентами, — переиздавая как раз те сочинения Розы Люксембург, в которых она была неправа. Мы ответим на это двумя строками из одной хорошей русской басни: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться. Роза Люксембург ошибалась в вопросе о независимости Польши; ошибалась в 1903 году в оценке меньшевизма; ошибалась в теории накопления капитала; ошибалась, защищая в июле 1914 года, рядом с Плехановым, Вандервельдом, Каутским и др., объединение большевиков с меньшевиками; ошибалась в своих тюремных писаниях 1918 года (причем сама же по выходе из тюрьмы в конце 1918 и начале 1919 года исправила большую часть своих ошибок). Но несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом; и не только память об ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но и ее биография и полное собрание ее сочинений... будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира»⁸⁸.

История II Интернационала закончилась его крахом. Политическому краху предшествовал крах теоретический, в результате которого марксизм, по определению Ленина, у теоретиков II Интернационала превратился в карикатуру на марксизм. «Каутский довел марксизм до неслыханного проституирования...»⁸⁹. В результате широкие рабочие массы, вовлеченные в движение, «усвоили себе марксизм, — по словам Ленина, — крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и не поняв марксистских критериев этих ответов»⁹⁰.

⁸⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 44, с. 421—422.

⁸⁹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 26, с. 236.

⁹⁰ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 20, с. 88.

В этой интерпретации марксизм во многом сводился к домарксовским формам философии и социализма. Из него пытались вытеснить момент активности, творческой практики. Марксистскую диалектику пытались представить как «безжизненную спекуляцию». Мир человека брался лишь в его обыденной повседневной форме, при которой отрицалась его революционно-преобразующая роль. Реформистская политика органически включала в себя отказ от всякой диалектики, не только марксистской, но и гегелевской, при таком подходе просто не встает вопрос о диалектике субъекта и объекта, о понимании практики, деятельности как революционно-преобразующей силы. Лозунг «назад к Канту» касался не только философии. Наряду с ним был провозглашен лозунг «назад к А. Смиту в политэкономии» и вообще назад от Маркса к домарксовской философии — у кого к Дарвину, у кого к Фейербаху, у кого к Дидгену, но главное — назад от марксизма, его метода, его стиля мышления. Социализм вновь из науки превращался в утопию, в мечту о нравственном идеале.

Именно поэтому насущной задачей рабочего движения, развития философии в начале XX в. оказалось восстановление подлинного марксизма, в том числе восстановление сущности его деятельной, созидательной научной философии. Только такое восстановление могло создать необходимые условия для дальнейшего развития философии. Эта задача была понята и выполнена В. И. Лениным.

Именно благодаря тому, что Ленин восстанавливает искаженное учение Маркса, он развивает марксизм в новую эпоху — эпоху империализма, пролетарских революций. Ленинизм совершенно органически предполагал критику и преодоление искажения марксизма во II Интернационале.

3. АНАРХИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА «ДЕТСКУЮ БОЛЕЗНЬ ЛЕВИЗНЫ» В КОММУНИЗМЕ

Анархизм нередко является своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения⁹¹. Это глубокое и меткое замечание В. И. Ленина в полной мере

⁹¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 41, с. 15.

отражает ситуацию в рабочем движении первых десятилетий XX в. Анархизм с его отрицательным отношением к любому государству, к любой политической организации соотвествовал рабочему движению на протяжении всего XIX в. Основанный на непонимании сущности крупного производства, на защите мелкой частной собственности, он всегда находился в прямой конфронтации с научным социализмом. По словам Ленина, взгляды анархистов «выражают не будущее буржуазного строя, идущего к обобществлению труда с неудержимой силой, а настоящее и даже прошлое этого строя, господство слепого случая над разрозненным, одиноким, мелким производителем»⁹².

Марксизм с самого своего возникновения вел борьбу с анархизмом, но так как среда, питающая его, не только не исчезла, но с развитием капитализма во многих странах расширялась, анархизм продолжал пользоваться влиянием в рабочем движении. В 1882 г. на международном конгрессе анархистов была четко высказана их программа: «Мы боремся против всех, кто каким бы то ни было образом присвоил себе власть над другими людьми, против собственников, фабрикантов, всякого государства, хотя бы и социалистического. Всякая мысль об авторитете нам противна, всякий закон — наш враг... Всякие законные пути, в том числе всеобщее избирательное право, нам ненавистны»⁹³.

Мировой экономический кризис 90-х годов, наступление эпохи империализма сделали анархизм особенно активным в 90-е годы. Именно в эти годы крупнейшие теоретики социал-демократии Ф. Энгельс, Г. В. Плеханов, К. Каутский, Ж. Гед выступают с резкой критикой анархизма⁹⁴. В письме к Э. Бернштейну Ф. Энгельс, критикуя бакунистские взгляды, охарактеризовал их как «детскую болезнь», являющуюся при определенных обстоятельствах неизбежной⁹⁵.

С середины 90-х годов анархистское течение стало распадаться. Анархисты оказались вынужденными признать

⁹² Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 12, с. 131.

⁹³ Гуго и Штегман. Справочная книга социалиста, т. 1, с. 51.

⁹⁴ Косичев А. Д. Борьба марксизма-ленинизма с идеологией анархизма. М., 1966.

⁹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 35, с. 312.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава первая	
Западноевропейская философская мысль начала века	7
1. Буржуазная философия и марксизм	7
2. Марксизм и II Интернационал	24
3. Анархизм и его влияние на «детскую болезнь левизны» в коммунизме	48
Глава вторая	
Философия «практики» как реакция на искажение марксизма во II Интернационале	59
1. Революционные события 1918—1923 гг. и Коммунистиче- ский Интернационал	59
2. Мессианско-утопическая трактовка Октябрьской револю- ции в рабочем движении	69
3. История и субъект истории	83
4. Классовое сознание и организация пролетариата	120
5. Проблема соотношения марксизма и философии	138
Глава третья	
Ленинизм и критика «философии практики»	152
1. Дискуссии 20-х годов в связи с определением сущности ленинизма и критика II Интернационала	152
2. Влияние «Истории и классового сознания» на современную буржуазную и ревизионистскую литературу	174
Заключение	204